В ЧАСОВОМ ОРКЕСТРЕ Я ДИРИЖЕР ЯНЕК ДЕЛЕШКЕВИЧ, АРТ-ДИРЕКТОР JAEGER-LECOULTRE

классический циферблат jaeger-lecoultre reverso — это квинтэссенция часового дизайна

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Француз Янек Делешкевич — глава дизайнерского отдела компании Jaeger-LeCoultre делит жизнь между милой деревушкой Сантье, где расположена часовая мануфактура, и Парижем. Когда его спрашивают, не скучно ли ему в Швейцарии, он отвечает, что очень ценит сочетание французской легкости, немецкой основательности и английской церемонности, которую он находит в местных жителях. Во всех часах, выпущенных Jaeger-LeCoultre за последние двадцать с лишним лет, виден его вкус и его пристрастия. А, может быть, наоборот: за это время сам Янек Делешкевич стал таким же точным и артистичным, как произведения Jaeger-LeCoultre.

— В прошлом году вы отпраздновали 80-летие знаменитых, легендарных часов Reverso. Я помню, вы говорили, что это любимые ваши часы у Jaeger-LeCoultre, а может быть и вообще. Восемьдесят лет — это рекордный срок, как вы думаете, почему они не состарились?

— Мне кажется, что у любых предметов должны быть соответствующие им и времени формы. Вот мы сделали Master Compressor Extreme LAB и Master Compressor Extreme LAB2, современнейшие часы, на новейших материалах, было бы смешно их представлять в старинных одеждах, но у Reverso есть свои коды. Я до сих пор влюблен в эту модель. Когда много лет назад мы решили вернуться к Reverso, мы были поражены тем, что эта часовая форма не устарела. Классический циферблат Reverso — это квинтэссенция часового дизайна. Точно так же и корпус, придуманный в 1930-х Альфредом Шово. И, конечно, имя. Где вы найдете часы, имя которых так точно соответствовало бы их функции? А теперь смотрите, что с ними произошло дальше. Это часы для спорта и довольно специальные — для игрока в поло. Все равно как часы для водолаза или космонавта. Но очень скоро эти спортивные часы стали часами для смокинга, часами, которые гораздо чаще можно увидеть на приеме, чем на поле для игры в поло.

— И вы продолжаете праздновать юбилей. В этом году вы показали винтажные Reverso с красным циферблатом и с синим. А в будущем — с зеленым?

— Красные Reverso — это ответ на просьбы клиентов. В ноябре 2011 года старинная модель этого цвета была продана с аукциона Artcurial в Париже и все вдруг будто бы сошли с ума! Подавай им красную Reverso! Особенно бушевали американцы. Мы такую для них сделали. Я же предпочитаю простой белый циферблат, с другой стороны — красный, белый или синий, это немногое меняет в часах.

— Мне кажется, что новые Reverso опять немного уменьшились в размерах со времен массивной Squadra. Вы нарочно идете против тенденции к увеличению часов?

— Да, рост часов становится модой. Я помню часы, которые подарил мне в юности отец, маленькие золотые часы, их размер 32 мм сегодня сошел бы за женский. Но если я их не ношу сейчас, то не потому, что они мне не по росту, наоборот, я так много и с удовольствием их носил, что золотой корпус требует ремонта. И миниатюрный размер корпуса меня совершенно устраивал. Есть случаи, когда размер продиктован функцией, в большой корпус можно уложить дополнительные усложнения, но смешно, когда часы делаются большими просто для того, чтобы потрафить общему мнению. Большие часы с пустотой внутри... Этого я не понимаю. Мы увеличили в свое время классический размер Reverso, когда сделали Reverso Squadra, но там стоял точно подходящий по размеру механизм круглых часов, и это было геометрически совершенно: круг, вписанный в квадрат.

— Кто работает в вашем дизайнерском подразделении, кто может проектировать часы?

— У меня есть художники, есть инженеры, есть люди, которые сочетают оба типа мышления. Одни больше знают об искусстве, другие больше знают о технике. Это как оркестр, мне есть с чем сравнить, я ведь сам играю джаз, и в часовом оркестре я дирижер. Я считаю себя художником, но у меня еще и техническое образование плюс опыт работы в самых разных местах — в автомобильном, в экспозиционном дизайне.

— Что было самым трудным в проектировании новых часов из вашей серии Dual-Wing — Duometre a Spherotourbillon, которые вы привезли на SIHH?

— Самым трудным было создать первый «двойной» хронограф — Duometre a Chronographe, я до сих пор люблю его больше всех в этой серии, хотя с точки зрения усложнений последующие модели, несомненно, интереснее. Но те первые часы задали тон всей линии, которая теперь может стать одной из самых заметных в линейках Jaeger-LeCoultre. Я последователен и искренен в своих симпатиях хотя бы потому, что это часы, которые я ношу сам. Знаете, как они мне достались? У меня был Duometre, который мне выдали, чтобы его проверить. Я должен был проносить его год и вернуть на мануфактуру с подробным отчетом. Но я к нему так привык. Можно сказать, сроднился. И однажды я получил письмо, в котором говорилось, что поскольку вы, господин Делешкевич, двадцать лет проработали на одном предприятии, вы имеете право на медаль «За доблестный труд».

— Вы проработали в Jaeger-LeCoultre двадцать лет?

— Больше. Я пришел на Jaeger-LeCoultre в 1988 году по приглашению Гюнтера Блюмляйна, тогдашнего главы марки. Но кроме медали, говорилось в письме, вы имеете право на подарок от компании на столько-то тысяч евро. И я тут же отправился к нашему шефу Жерому Ламберу, и спросил у него, могу ли я на эти деньги, доплатив, разумеется, оставить у себя мой драгоценный Duometre? Жером Ламбер не был против. С тех пор я так и продолжаю его тестировать. И ни капли в нем не разочаровался.

Беседовал Алексей Тарханов

Jaeger-LeCoultre Duometre Spherotourbillon — основная техническая новинка мануфактуры из Валле-де-Жу, показанная в рамках SIHH. Эти часы демонстрируют фирменный стиль Jaeger-LeCoultre: прозрачность сложнейшей композиции циферблата, почти французский артистизм пропорций

Jaeger-LeCoultre Grande Reverso Rouge Enamel — новая винтажная модель Reverso, сделанная в честь одноименных часов марки 1931 года выпуска